УДК 821.161.1 DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.1.1

Г. В. Косяков[1]

[1]Омская гуманитарная академия, г. Омск, Российская Федерация

Поэтика художественных определений души в лирике М. Ю. Лермонтова

Аннотация. В статье на материале лирики М. Ю. Лермонтова раскрывается степень частотности художественных определений концепта бессмертной души, анализируются их поэтические и мировоззренческие особенности. Художественные определения и эпитеты позволяют выявить ключевые особенности художественной антропологии, онтологии и метафизики русского романтика, его представления о духовной субстанции, земном и небесном мирах. Конкретной научной задачей статьи является рассмотрение наиболее частотных художественных определений в контексте конкретных лирических текстов. Работа опирается на методику количественного и качественного контент-анализа, методы историко-генетического, культурно-исторического, герменевтического анализа. В работе рассматривается как семантика отдельных художественных определений и эпитетов, так и ведущих синонимических рядов. Результаты анализа могут быть использованы в вузовском преподавании тем, связанных с изучением творчества Лермонтова, в составлении комментариев и справочных изданий.

Ключевые слова: поэтика, художественное определение, эпитет, романтизм, душа.

Дата поступления статьи: 9 февраля 2021 г.

Для цитирования: Косяков Г. В. (2021). Поэтика художественных определений души в лирике М. Ю. Лермонтова // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 15. № 1. С. 7–14. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.1.1.

Проблема и цель. Современное литературоведение ориентировано на раскрытие поэтического и мировоззренческого своеобразия художественных произведений в рамках концептосферы русской культуры, ее национального своеобразия. В лирическом тексте в силу его небольшого объема каждое слово приобретает усиленную смысловую и эмоциональную значимость, что характерно и для употребления художественных определений и эпитетов. В этой связи актуальным представляется рассмотрение поэтики художественных определений и эпитетов, которые не только обозначают признак какого-либо предмета или явления, вводят авторскую оценку, но и раскрывают ценностные основы художественной картины мира поэта. Систему таких констант в русском фольклоре задают постоянные эпитеты: *сыра* земля, *чисто* поле, *добрый* молодец, *красна* девица, *борзый* конь, *ясный* сокол, *черный* ворон и др. Данные постоянные эпитеты вводят не только этическую оценку, но и концепты национальной картины мира:

Молодой Касьян сын Михайлович
Выскакивал из сырой земли,
Как ясен сокол из тепла гнезда [1, с. 237].
«Сорок калик с каликою»

А. Н. Веселовский подчеркивал значимость эпитета в истории культуры: «За иным эпитетом, к которому мы относимся безучастно, так мы к нему привыкли, лежит далекая историко-психологическая перспектива, накопление метафор, сравнений и отвлечений, целая история вкуса и стиля в его эволюции от идей полезного и желаемого до выделения понятия прекрасного» [2, с. 59]. Поэтика эпитета, художественного определения изучается в современном лермонтоведении [3].

Целью статьи является не столько раскрытие степени частотности художественных определений концепта бессмертной души, сколько выявление их функций, контекстуально обусловленной семантики в лирике М. Ю. Лермонтова (1814–1841). Художественные определения и эпитеты позволяют осмыслить ключевые особенности художественной антропологии, онтологии и метафизики русского романтика, его представления о духовной субстанции, о земном и небесном мирах, проследить его художественную эволюцию. Конкретной задачей статьи является анализ динамичного комплекса контрастных образных представлений о бессмертной душе, которые утверждаются в постоянных определениях и эпитетах.

Методология. Работа опирается на методику количественного и качественного контент-анализа, методы историко-генетического, культурно-исторического, герменевтического анализа. В работе рассматривается семантика как отдельных художественных определений и эпитетов, так и ведущих синонимических рядов. Методология работы опирается на труды таких отечественных литературоведов, как А. Н. Афанасьев, А. Н. Веселовский, М. М. Гиршман. Семантика художественных определений и эпитетов в лирике Лермонтова осмысляется в контексте целостности лирического текста, о которой М. М. Гиршман писал: «Онтология литературного произведения – это не готовое объектное единство всего во всем, раз и навсегда данное и гарантированное текстом, а объективно существующая, представленная и воплощенная в тексте направленность на объединение всего разделенного и множественного» [4, с. 6].

Результаты. Одним из концептов лирики М. Ю. Лермонтова является концепт бессмертной души. Ведущим в творчестве русского романтика выступает метафизический сюжет о воплощении души в земной мир, ее томлении и освобождении. Лирический герой Лермонтова осознает относительность любых временных и пространственных границ, которые бессмертная душа свободно преодолевает. Д. С. Мережковский, осмысляя художественное наследие русского романтика, пришел к выводу: «Никто не смотрел в глаза смерти так прямо, потому что никто не чувствовал так ясно, что смерти нет» [5, с. 106].

Художественные определения души в лирике Лермонтова позволяют раскрыть диалектический комплекс образных представлений о духовной субстанции, проследить художественную эволюцию русского романтика в отношении к земному и небесному мирам, к физической смерти и бессмертию.

Исследование выполнено на материале 48 лирических текстов различных жанров, созданных русским романтиком с 1829 по 1841 гг. Представленная ниже таблица раскрывает степень частотности художественных определений бессмертной души в этих лирических текстах.

Из 45 художественных определений души лишь 6 употребляются дважды и более. В таблице не представлены краткие имена прилагательные, входящие в составное именное сказуемое («бел», «тверд» и др.), тем не менее они будут включены в сферу нашего анализа. Рассмотрим семантику не только наиболее частотных художественных определений души, но и синонимичных определений, которые характеризуют различные черты концепта бессмертной души в художественном мире русского поэта.

Художественные определения «младая», «молодая» представлены в 5 лирических текстах, созданных Лермонтовым с 1829 по 1841 гг.: «К***» («Глядися чаще в зеркала...», 1829), «Ангел» (1831), «Песня» («Не знаю, обманут ли был я...», 1830–1831), «Тростник» (1832), «Сон» (1841). В песне «Ангел» употреблены художественные определения «младая» и «молодая». Данные художественные определения приобретают семантическую многогранность, обусловленную лирическим контекстом и метафизическим содержанием. Во-первых, данные определения указывают на возраст лирического героя (героини) или лирического адресата: «Души моей младой» («Тростник»). Во-вторых,

Частотность художественных определений души в лирике М. Ю. Лермонтова

№	Художественные определения	Частотность
1	Младая	4
2	Больная, гордая	3
3	Высокая, молодая, пылкая	2
4	Безжалостная, безмолвная, беспокойная, божественная, взволнованная, возвышенная, восточная, грешная, деятельная, достойная, живая, задумчивая, мятежная, нежная, незараженная, незнакомая, немая, неопытная, нетерпеливая, обманутая, откровенная, печальная, покорная, прекрасная, преступная, привязчивая, призванная, проснувшаяся, пустынная, родная, русская, свободная, сжатая, слабая, таинственная, трепетная, усталая, холодная, чистая	1

эти художественные определения акцентируют духовную чистоту, естественность, свободу от ограниченностей земной жизни: «И в грустный сон душа ее младая...» («Сон»). В «Песне» («Не знаю, обманут ли был я...») художественное определение «молодая» включается в один поэтический ряд с определением «свободная».

Метафизический смысл художественные определения «младая», «молодая» получают в песне «Ангел», где раскрывается новорожденный, девственный статус души в горнем мире: «Он душу младую в объятиях нес». В. Асмус отмечал в этом раннем произведении русского романтика отражение традиций платонизма: «Платоновский “анамнезис” – обращение к довременному, вечному» [6, с. 103]. Душа сохраняет свою исконную чистоту, связь с горним миром в земной жизни. Семантически близкими художественным определениям «младая», «молодая» выступают определения «нежная», «неопытная»: «Невинный нежною душою...» («Романс», 1829); «В душе неопытной моей» («Весна», 1830).

Художественное определение «гордая» в отношении души в лирике Лермонтова также раскрывает основополагающую черту лирического героя, связанную с его эгоцентризмом, одиночеством, пафосом отрицания ограниченных форм земной жизни: «И не хладеет гордая душа» («1831-го июня 11 дня»); «На того, кто с гордою душой» («Стансы» («Не могу на родине томиться...»), 1830–1831). Данное художественное определение также обращает к сфере демонического: «Как демон, с гордою душой» («Я не для ангелов и рая...», 1831). Если художественные определения «младая» и «молодая» соотнесены с горним миром, ангелом, верой, полнотой жизни, пафосом утверждения, то определение «гордая», напротив, – с демонической сферой, пафосом отрицания, конфликтностью.

Духовную конфликтность, обусловленную, в т. ч. рефлексией, раскрывает еще одно художественное определение – «больная»: «Несет мечты душе моей больной» («Звезда», 1830). Художественная онтология и антропология Лермонтова предполагает наличие во внутреннем мире человека горней сферы и геенны огненной. Болезненность души сопоставима с инфернальной сферой. Определение «больная» также раскрывает глубокое разочарование лирического героя в земной жизни:

Приводит в первобытный вид,
Больную душу: сердце спит [7, с. 498].
«Валерик» (1840)

Это художественное определение также выражает внутреннее томление, уныние, страдание, отдаляющие душу от Логоса, лишающие возможности творить: «Оно – тяжелый бред души твоей больной...» («Не верь себе...», 1839). По своей семантике данному художественному определению близки такие определения, как «печальная», «слабая», «пустынная», «обманутая», «усталая», которые раскрывают ослабление духовной активности: «К душе печальной, незнакомой счастью» («Сентября 28», 1831); «Не верим слабою душой» («К приятелю», 1830–1831); «Обманутой душе моей напоминает» («Унылый колокола звон...», 1830–1831); «Душа усталая моя» («Гляжу на будущность с боязнью...», 1837–1838).

Духовную конфликтность, болезненность, внутреннее страдание, одиночество в лирике Лермонтова также раскрывают художественные определения «грешная» и «преступная». Уже в ранней лирике Лермонтова формируется контрастный тип построения стиха, в котором финальная часть стиха разрешает конфликтность, заложенную в первой части: «Душу грешную омыть» («Покаяние», 1829). В послании «<М. П. Соломирской>» (1840) художественное определение «преступная» участвует в оформлении порогового хронотопа: «Душа преступная порой».

Художественное определение «пылкая» по отношению к бессмертной душе в лирике Лермонтова раскрывает ее стремление к чувственным, страстным формам самореализации, к достижению единства духовного и чувственного. Сохранение бессмертной душой чувственного, страстного опыта после физической смерти мы видим в таких лирических текстах Лермонтова, как: «Ночь. I» (1830), «Смерть» («Ласкаемый цветущими мечтами...», 1830–1831), «Любовь мертвеца» (1841). Художественное определение «пылкая» представлено в ранней лирике русского романтика, в период его поэтического становления, утверждая его жажду бытия, любви: «Я рожден с душою пылкой» («К друзьям», 1829); «С деятельной и пылкою душой» («К другу», 1829). Закономерно, что художественное определение «пылкая» сближается с художественным определением «деятельная», раскры-

вая стремление лирического героя Лермонтова к максимальным формам жизненной реализации, к поступку. Данное устремление воплощает ряд других художественных определений: «взволнованная» («Посвящение», 1830) «беспокойная» («Первая любовь», 1830–1831); «мятежная» («Сосед», 1830–1831); «нетерпеливая» («Смерть» (Ласкаемый цветущими мечтами...», 1830–1831); «трепетная» («Мой демон», 1830–1831).

Художественное определение «пылкая» обращает к архаическим индоевропейским представлениям о душе как частице огня. А. Н. Афанасьев указывал на то, что в индоевропейской мифологии душа придает «очам – блеск, крови – жар и всему телу – внутреннюю теплоту» [8, с. 353]. В христианстве данное мифологическое представление наполнилось метафизическим смыслом, соотносясь с фаворским светом благодати. Световая символика в Новом Завете утверждает идеи благодатного спасения, преображения и воскресения: «И преобразился пред ними: и просияло лице Его как солнце» (Мтф. 17: 2). Для евангельских текстов характерно отождествление пламени и Духа Святого: «И явились им разделяющиеся языки, как бы огненные» (Деян. 2: 3). Свет в православии соотнесен с этическими ценностями веры, надежды, любви, с праведностью. Со «светом истинным» в христианстве связаны познание и богопознание: «Потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца» (2 Кор. 4: 6). Духовный свет молитвенного горения, святости в христианстве противопоставлен страстному огню, испепеляющему человека. В лирике Лермонтова проявлены разные формы духовного горения от молитвенного озарения до эгоцентрической страсти.

Полнота духовной жизни, миросозерцания в творчестве русского романтика образно соотнесены именно с огнем: «Огнем душа твоя полна» («<К Н. И. Бухарову>», 1838). Разочарование, духовная мертвенность, напротив, связаны с мраком: «Душа моя мрачна» («Еврейская мелодия», 1836). В данном вольном переводе русский поэт отразил колористику английского источника: «My soul is dark – oh! qucickly string...» (G. Byron «My soul is dark...», 1815). Оскудение духовной активности, духовная мертвенность в художественном мире Лермонтова также соотнесены с холодом: «Души в них волн холодней!» («Волны и люди», 1830–1831).

В лирике Лермонтова в изображении души важную роль играют определения «возвышенная», «высокая», которые раскрывают ее идеальный характер, противопоставленность всему материальному и ограниченному: «Возвышенной души предмет...» («Портреты», 4, 1829); «Высокой мыслью и душой» («К***» («О, полно извинять разврат!», 1830–1831); «Души высокой не печалит» («Я не хочу, чтоб свет узнал...», 1837). Бессмертная душа в лирике Лермонтова изначально чувствует свой божественный источник, стремясь к свободе и к полноте миросозерцания: «Божественной души безбрежную свободу» («Унылый колокола звон...», 1830–1831). Понимание величия души, ее исключительности в поздней лирике Лермонтова близко поэтической концепции «самостоянья» А. С. Пушкина. Для лирического героя русского романтика более значимо предстояние Богу, вселенной, вечности, нежели обществу, окружающим людям. Лирический герой Лермонтова воспринимает себя в системе метафизических, а не физических координат.

Близким в семантическом плане художественным определениям «возвышенная», «высокая», «божественная» выступает художественное определение «таинственная»: «Таинственную душу и мученья...» («Настанет день – и миром осужденный...», 1831). В художественном мире Лермонтова глубины бессмертной души таинственны и непостижимы.

Лирика Лермонтова характеризуется диалектичностью, контрастностью в рамках одного лирического текста. Так, в элегии «Вечер» (1830–1831) ощущение созерцательного покоя, умиротворения сменяется его резким отрицанием:

И я гляжу на небеса
С покорною душой [7, с. 318].

Мы видим разрушение элегического канона: традиционные для элегической школы гармонической точности пейзажные детали («садится алый день», «туман встает») сменяются напряженной рефлексией, экспрессией, присущими жанру лирического монолога, который широко представлен в ранней лирике Лермонтова.

Как указывалось, частотность словоупотребления не является определяющей для поэтики эпитета, художественного определения бессмертной души в лирике Лермонтова. Это касается? в частности, эпитета «живой». В качестве определения души мы встречаем его в раннем поэтическом

тексте «1830 год. Июля 15-го», имеющем дневниковый и исповедальный характер: «Живую душу ядом отравить». Вместе с тем эпитет «живой» в лирике Лермонтова является постоянным и представлен во многих лирических текстах, знаменуя полноту духовной жизни, сопричастность бессмертному началу бытия: «Живою кистью окончал» (Поэт», 1828); «Остался – без слов, но живой» («Ангел», 1831); «В созвучье слов живых» («Молитва» («В минуту жизни трудную...»), 1839); «В устах живых уста давно немые» («Нет, не тебя так пылко я люблю...», 1841).

Душа в лирике Лермонтова наделяется способностью не только чувствовать, но и мыслить. Мыслительная активность души более универсальна, созерцательна и глубока, нежели рациональное мышление: «Души задумчивой моей» («К*» («Мой друг, напрасное старанье!», 1832).

Художественные определения души в лирике Лермонтова раскрывают романтические мотивные комплексы невыразимости духовных переживаний, безмолвия, тишины: В. А. Жуковский «Невыразимое» (1819); Ф. И. Тютчев («Silentium!», не позднее 1830). Данные романтические мотивные комплексы имеют как философские, так и религиозные источники. Молчание в текстах Священного Писания передает состояние ожидания земным миром эсхатологического разрешения: «И когда Он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе» (Отк. 8: 1). О «невыразимости» в святоотеческом понимании писал позднее И. В. Киреевский в письме к А. С. Хомякову от 15 июля 1840 г.: «<...> *воля родится втайне и воспитывается молчанием*» [9, с. 67].

В лирике Лермонтова утверждается идеальный характер общения между душами, осуществляемый без вербального воплощения: «Ты все прочтешь в немой душе моей» («Посвящение. N.N. », 1829). Лермонтов, как и Тютчев, утверждает идею невыразимости духовных глубин человека:

Стихом размеренным и словом ледяным
Не передашь ты их значенья [7, с. 453].
«Не верь себе» (1839)

Вместе с тем русский романтик раскрывает процесс откровения, пробуждения «безмолвной» души через развернутую метафору, образы родника и звуков в которой обращают к мифопоэтике *рая сладости*, отражают полноту духовной жизни:

Отрыть в душе давно безмолвной
Еще неведомый и девственный родник,
Простых и сладких звуков полный
[7, с. 452].
«Не верь себе» (1839)

При всем трагическом одиночестве лирический герой Лермонтова тоскует о духовной близости: «Ищу кругом души родной» («Гляжу на будущность с боязнью....», (1837–1838).

Стремление к конкретизации образа бессмертной души, которая обладает в рамках земной жизни внутренней историчностью, проявляется, в частности, в том, что душа в лирике Лермонтова определяется через биографические, ментальные характеристики: «Но только с русскою душой» («Нет, я не Байрон, я другой...», 1832).

Художественные определения, эпитеты в произведениях Лермонтова органично включаются в развернутые сравнения и метафоры. В драматическом стихотворении «Журналист, читатель и писатель» (1840) определение души, выраженное действительным причастием «проснувшаяся», включено в развернутую метафору, построенную на основе сближения внутреннего мира поэта и водной стихии и раскрывающую преображение внутреннего мира во время вдохновения:

Когда и ум и сердце полны,
Журча, одна во след другой
Несутся вольной чередой.
Восходит чудное светило
В душе проснувшейся едва [7, с. 479].

М. Элиаде, раскрывая архаические истоки водного символизма, указывает: «В каких бы религиозных системах мы не сталкивались с Водами, они везде сохраняют одну и ту же функцию: разложения и разрушения форм, “смывания грехов”. Они предстают одновременно как очищающие и регенерирующие силы» [10, с. 84]. Развернутая метафора в произведении русского романтика приобретает метафизическую направленность. Вдохновение предполагает переживание творцом полноты, соборности духовной жизни, сопоставимой с катарсисом, обретение свободы. Духовный микрокосмос расширяется до масштабов макрокосмоса. В лирическом контексте возникает мифопоэтическое представление о первозданности мира, *золотом веке*. Вдохновение знаменует собой преображение и очищение души.

Художественные определения души в лирике Лермонтова в лирическом контексте являются не только изобразительно-выразительным средством, но и формой создания комического, например, вводят сатирическую оценку:

Он одарен восточною душой,
Коль душу в нем в сто лет найти могли [7, с. 146].

«Булевар» (1830)

Поэт использует яркие комические детали, создавая внешние и внутренние портреты своих героев.

В лирике Лермонтова художественные определения часто образуют ряды, которые могут включать однородные, семантически близкие лексические единицы или, наоборот, антитетичные. Так, в приведенном ниже фрагменте лирического текста мы видим 3 достаточно близких художественных определения, создающих образное представление о девственно чистой душе, не зараженной метафизическими и социальными формами зла:

Душою чистой, откровенной,
Всеобщим злом незараженной [7, с. 271].

«Раскаянье» (1830–1831)

Пример контрастного введения художественных определений мы видим в «Молитве» («Я, Матерь Божия...», 1837): «Не за свою молю душу пустынную...»; «Окружи счастием душу достойную»; «Лучшего ангела душу прекрасную». Если душа лирического героя наделяется болезненными чертами, то душа лирической героини, напротив, – гармоничными, так как она в земной жизни сопричастна горнему миру, утверждая этический идеал. Вместе с тем движение лирического сюжета, позиция молитвенного предстояния просветляют душу лирического героя, раскрывая его молитвенное просветление. В построении стихов литературной молитвы утверждается идея охранительного покрова, кольца.

Краткие имена прилагательные, включенные в именную часть составного именного сказуемого, утверждают в лирике Лермонтова духовные качества, соотнесенные с идеалом: «Да, я не изменюсь и буду тверд душой» («Кинжал», 1837–1838); «Душою бел и сердцем невредим» («Ребенка милого рожденье...», 1839). Этический идеал в лирике Лермонтова соотнесён с духовной полнотой, целостностью и твердостью. Этический идеал русского романтика раскрывает религиозную идею соборности. Кризисные, смятенные и болезненные формы духовной жизни, напротив, соотнесены со скованностью и замкнутостью.

Выводы. Как мы видим, художественные определения бессмертной души в лирике Лермонтова раскрывают её динамичность, противоречивость. Художественные определения *младая, молодая, возвышенная, высокая, божественная, достойная, деятельная, живая, нежная, незараженная, неопытная, откровенная, прекрасная, свободная, таинственная, чистая* раскрывают изначальную связь души с горним миром, бессмертным и бесконечным, свободу от любых пространственных и временных границ, стремление к полноте мироощущения. Контрастные художественные определения *больная, грешная, печальная, преступная, пустынная, родная, сжатая, слабая, усталая, холодная* передают болезненность, конфликтность души, трагические вехи самопознания, внутренней историчности личности. Таким образом, в художественном мире Лермонтова создается целостный и диалектический образ бессмертной души, стремящейся к активным формам самореализации, к ощущению личностной исключительности. Концепт бессмертной души в лирике Лермонтова развивается в контексте магистральных антитез горнего и дольнего, бесконечного и конечного, индивидуального и вселенского, активности и покоя и стремления к их синтезу. В лирике Лермонтова душа предстаёт в качестве микрокосмоса, вбирающего горний мир и инфернальную сферу, бесконечное и конечное.

Художественные определения и эпитеты являются не только изобразительно-выразительной деталью, но и средством метафизического углубления смысла художественного образа, а также формой введения авторских оценок. Художественные определения и эпитеты в лирике Лермонтова органично включаются в контекст развернутых сравнений и метафор.

Источники

1. Данилов К. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные, с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева. М.: В типографии С. Селивановского, 1818. 423 с.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 648 с.
3. Жукова Е. А. Эпитет как изобразительно-выразительное средство языка художественной литературы (на примере романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени») // Форум молодых ученых. 2018. № 11-1 (27). С. 691–696.
4. Гиршман М. М. Литературное произведение и его автор как живое противоречие целостности мира и цельности текста // Проблема автора в художественной литературе. Ижевск, 1990. С. 5–6.
5. Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // Вопросы литературы. 1989. № 10. С. 88–122.
6. Асмус В. Круг идей Лермонтова // Литературное наследство, т. 43–44. М. Ю. Лермонтов. Кн. I. М.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 83–128.
7. Лермонтов М. Ю. Собр. соч. : В 4 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 1. 756 с.
8. Афанасьев А. Н. Древо жизни. М.: Современник, 1982. 464 с.
9. Киреевский И. В. Полн. собр. соч. : В 2 т. / под ред. М. Гершензона. М.: Типогр. Императорского Московского ун-та, 1911. Т. 1. 287 с.
10. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. 144 с.

Информация об авторе

Косяков Геннадий Викторович
Доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций. Омская гуманитарная академия (644105, РФ, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а). E-mail: gen777kos@mail.ru

G. V. Kosiakov[1]

[1]Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russian Federation

Poetics of the soul definitions in the lyric poetry by M. Yu. Lermontov

Abstract. The work can help understand the poetics of the immortal soul concept definitions using the lyric poetry by M. Y. Lermontov as the research material. Artistic definitions and epithets allow us to identify the key features of the artistic anthropology, ontology and metaphysics of the Russian romantic, his ideas about spiritual substance, the earthly realm and celestial world. The specific scientific task of the article is to consider the most frequent artistic definitions in the context of specific lyrical texts. The work is based on the methodology of quantitative and qualitative content analysis, methods of historical-genetic, cultural-historical, and hermeneutical analysis. The work considers both the semantics of individual artistic definitions and epithets, as well as the leading synonymic series. The results of the analysis can be used in the university teaching topics related to the work by M. Yu. Lermontov, in the comments preparation and reference publications.

Keywords: poetics, artistic definition, epithet, romanticism, soul.

Paper submitted: February 9, 2021.

For citation: Kosiakov G. V. (2021). Poetics of the soul definitions in the lyric poetry by M. Yu. Lermontov. The Science of Person: Humanitarian Researches, vol. 15, no. 1, pp. 7–14. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2021.15.1.1.